Е.В. Сартаков, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: esartak@mail.ru

ПУБЛИЦИСТИКА М.П. ПОГОДИНА ВРЕМЕН КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются оценки Крымской войны, данные видным историком и консервативным публицистом XIX в. М.П. Погодиным: изучены распространяемые в списках «Историко-политические письма» Погодина, которые он активно писал в 1854–1855 гг., однако смог издать только незадолго до смерти в 1874 г. Многое в оценках Погодиным состояния России, стратегий ее внешней и внутренней политики не утратило актуальности до сих пор.

Ключевые слова: *Погодин, Крымская война, «Историко-политические письма».*

The article analyzes assessments about the Crimean war given by the prominent historian and the conservative publicist of the XIX century Mikhail Pogodin: distributed in lists such as Pogodin's "Historical and Political Letters" for which he had been actively working in 1854–1855, but, however could publish only shortly before death in 1874. Many Pogodin's assessments about the condition of Russia, strategies of its foreign and domestic policy are still relevant.

Key words: *Pogodin, Crimean war, "Historical and political letters".*

Крымская война и ее место в русской общественной мысли XIX века

В истории России Крымская война[1] (1853–1856) сыграла исключительную роль, обнаружив серьезное отставание страны в техническом отношении от ведущих европейских держав. Она стала причиной многих изменений в социально-экономической жизни

[1] Историки называют эту войну «Крымской» или «Восточной». Ни то ни другое название, конечно, нельзя признать удовлетворительным. «Восточной» ее стали именовать сначала на Западе, а позже это название пришло в отечественную историографию. Тем не менее для России (в отличие от Европы) места, где проходили военные сражения в этот период, нельзя считать востоком: Балтийское море и Дунай — запад, Крым — юг, Белое море — север. Поэтому для России название «Восточная война» явно некорректное. Вместе с тем и «Крымской» ее будет называть неточно, потому что боевые действия проходили не только на Таврическом полуострове, хотя, конечно, наиболее значительные военные события (как, например, героическая оборона Севастополя 1854–1855 гг.) проходили именно в Крыму.

Российского государства. Такое значение этой войны обуславливает непрекращающийся интерес к ней со стороны историков[2].

Россия, преданная Австрией, которая формально сохраняла нейтралитет, а на деле поддерживала турок, выступала в этой войне без каких-либо союзников против коалиции трех империй (Османской, Британской и Французской). Государство Николая I оказалось «колоссом на глиняных ногах», и война была проиграна. «У нас известие о заключении мира, хотя и было обычным порядком возвещено городу пушечными выстрелами с Петропавловской крепости <...>, не могло, конечно, считаться событием радостным <...>, — вспоминал позже Д. А. Милютин. — Бедствиям войны положен был конец, — но мир куплен дорогой ценой. Русское национальное чувство было оскорблено» [цит. по: Тарле, 1959, т. 9, с. 551]. Все русское общество с жаром стало критиковать внешнюю политику покойного Николая I, бюрократизм и отсутствие гласности, которые в поздний период правления императора приобрели невероятные размеры, цензурный террор, сопровождавший период «мрачного семилетия», и т.д.

Многие мыслящие люди этого периода сознавали, что главным препятствием к экономическому развитию государства стало крепостное право. Одним из наиболее радикальных критиков данного института в жизни русского общества стал консервативный публицист М.П. Погодин, критиковавший власть и до смерти Николая I.

Крымская война заняла значительное место среди многочисленных публицистических работ Погодина. Писать о ней он стал буквально с первых дней военных действий в 1853 г. Удивительно, но этот ценнейший материал до сих пор не привлекал внимание историков журналистики, которые упорно продолжают «не видеть» талантливых консервативных публицистов и их изданий, концентрируя внимание на либеральных и радикальных органах печати. Восполнить этот проблем постарались историки: тема «Погодин о Крымской войне» в большей или меньшей степени освещается в несколько тенденциозной книге Н.И. Павленко, в монографии А.А. Ширинянца, в диссертации А.И. Шепарневой и некоторых других [Павленко, 2003, с. 212–245; Шепарнева, 1995, с. 14–69; Ширинянц, 2008]. Тем не менее комплексного освещения эта тема пока не получила.

---

[2] Обобщающим трудом в дореволюционной историографии можно признать книгу: [Зайончковский, 1908–1913]. В советской историографии самый значительный труд, богатый эмпирическим материалом: [Тарле, 1959]. Из современных работ см.: [Багдасарян, 2007; Шевченко, 2007; Кузнецова, 2009].

«К графине Б…ой, о начавшейся войне»

Хотя в период Крымской войны Погодин издавал и редактировал журнал «Москвитянин» (к началу осени 1853 г. представители «молодой редакции» издание окончательно покинули), однако цензура не позволяла публицисту писать о многих проблемах, которые волновали общество. Именно поэтому широкое хождение получили распространяемые в списках политические письма Погодина, над которыми он активно работал в 1854–1855 гг., однако смог издать только незадолго до смерти в 1874 г. («Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны (1853–1856)»).

История возникновения этих писем такова. Первое письмо было написано 7 декабря 1853 г. после возвращения Погодина из Европы. В конце ноября А.Д. Блудова, дочь государственного и литературного деятеля Д.Н. Блудова, обратилась к Погодину с просьбой описать, «какие доходили до вас интриги иностранные против нас в тех краях» [Барсуков, 1898, кн. 12, с. 524]. После некоторого сомнения в необходимости такой записки Погодин приступил к сочинению, и уже в начале декабря оно было закончено. В ответном письме Блудова сообщила, что записка пришлась по душе ее отцу Дмитрию Николаевичу, от него попала к великой княгине Елене Павловне и, может быть, дойдет до наследника. Уже 25 декабря 1853 г. Блудова, поздравляя Погодина с Рождеством, не без удовольствия отметила, что записка попала к Николаю I: «<...> Ваша записка была у государя и от него пришла со многими отметками по краям, его рукою. Разумеется, что в этих отметках, я не знаю и не буду знать» [там же, с. 525][3].

Параллельно с этим записка начала распространяться по Петербургу в списках и везде вызывала восторг. Так, историк М.А. Коркунов сообщал Погодину из Северной столицы: «Ваше письмо о делах политических ходит у нас по рукам и читается с жадностию» [там же, с. 530]. Постепенно письмо проникло и в провинцию — об этом писал Погодину М.А. Максимович из Полтавской губернии [там же с. 531], а С.П. Шевырёв поздравлял Погодина с «народной» славой: «<...> письмо твое переписывают <...> в Рязани. Поздравляю тебя с народною известностию» [там же, с. 532].

[3] В отличие от А.Д. Блудовой сегодня мы можем узнать, что было в отметках Николая I. Письмо Погодина с маргиналиями императора, хранящееся в Архиве Министерства иностранных дел (докл. 1853 г.), было опубликовано Б.Н. Тарасовым: Николай I и его время (документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков) / Вступ. статья, сост. и примеч. Б.Н. Тарасова. URL: http://gosudarstvo.voskres.ru/tarasov/nic7.htm#2

Что же так восхитило читателей погодинского письма? Почему без преувеличения все — от царя до простого лавочника — поддержали Погодина в его стремлении высказать «русский взгляд» на Крымскую войну?

Свое письмо Погодин начинает с причин, которые побудили его к написанию: «Признаюсь, у меня самого давно уж порывалася рука, <...> при чтении иностранных газет»[4]. Примечательно, что о лжи, распространяемой «иностранными газетами», писал Погодин в этот период и в «Москвитянине»: «XIX век со своей цивилизацией, с своей гуманностью, с своими амбициозными идеями, с своими филантропическими взглядами на пролетариев, на негров, даже на преступников — казалось, хотел быть поборником правды. И вдруг, сами же проповедники всех этих новейших идей, сами же глашатае правды, стали бросать в нее <...> широкими и длинными столбцами своих журналов»[5].

И действительно, даже при беглом просмотре подшивок английской газеты «Таймс» (“Times”)[6] за первые три месяца войны (октябрь–декабрь 1853 г.) обращает на себя внимание пристальный интерес газеты к России, ей посвящен 471 материал[7], многие из которых откровенно ложные. Например, среди постоянных повторений в газете о «неумолимой жестокости русских»[8], их «агрессивном желании превратить Черное море в Русское озеро»[9], обращает на себя внимание материал о Синопском сражении, которое произошло 17 (30) ноября 1853 г. и стало триумфом русского флота и прежде всего П.С. Нахимова. 15 декабря 1853 г. “Times” сообщила об «ужасной резне», которую устроили русские, и о том, как русские моряки достреливали уже сдавшихся турецких матросов, хотя их было легко живыми взять в плен: «Шесть [русских] линейных кораблей направили свой огонь <...> и таким образом убили этих несчастных турок, которых было бы легко принять в качестве военнопленных. Русские должны быть осуждены за этот акт особого злодеяния, и победа, которой они могли бы похвастаться,

[4] *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 70. В дальнейшем политические письма Погодина цитируем по этому изданию с указанием страницы в скобках после цитаты.

[5] Москвитянин. 1854. № 12. Разные известия заграничные. С. 199.

[6] Для анализа мы выбрали именно британскую “Times”, потому что эта газета может быть рассмотрена в качестве «рупора внешней политики Лондона и инструмента международной дипломатии» [Беглов, 2002, с. 42].

[7] Турции — 426, Франции — 672.

[8] Times. 1853. 13 Dec. P. 6.

[9] Ibid.

должна покрыть их позором»[10]. Публикация с явными следами диффамации не подтверждается ни одним известным нам источником, однако прекрасно отвечает тактике манипулирования общественным сознанием и создания образа «врага». Не случайно именно Синопское сражение стало формальной причиной вступления в Крымскую войну Англии и Франции. При этом показательно, что когда из Лондона в Петербург был направлен ультиматум, то русский император узнал о его содержании из экземпляра “Times”, достигшего царя быстрее, чем дипломатический курьер [History, 1939, p. 116].

Необходимо отметить, что Погодин был не единственным, кто обвинял западные газеты и журналы в искажении событий. Например, Ф.И. Тютчев писал жене из Санкт-Петербурга 20 июня 1855 г., сообщая о неудачном англо-французском штурме Севастополя и пересылая номера «Аугсбургской газеты»: «Посылаю тебе сегодня еще три номера. Последний из этих номеров содержит первое телеграфическое известие об их поражении 6/18 сего месяца под Севастополем. Испытываешь истинное наслаждение, читая в их подлых газетах подробности этого разгрома, которые против их воли пробиваются наружу, сквозь все недоговаривание и вранье»[11].

«Русофобия» (термин, по-видимому, и принадлежит Тютчеву) европейских газет и журналов возмущала Погодина не меньше, чем его друга Тютчева. По определению Тютчева, русофобия — это «нечто среднее между уважением и страхом — то чувство awe (благоговейного страха. — *Е.С.*), которое испытывают только по отношению к Власти»[12]. Подобная русофобия происходит от слепой ненависти и злобы к России, по мысли Погодина, «злобы безотчетной», иррациональной, объяснить которую невозможно: «Действует против нас инстинкт зла, которое, естественно, ненавидит добро и как будто слышит себе грозу с Востока» (с. 75)[13].

В записке Погодин возмущен той политикой двойных стандартов (говоря современным языком), которая сложилась в Европе по отношению к России: «Франция отнимает у Турции Алжир[14];

---

[10] Ibid. 15 Dec. P. 6.

[11] *Тютчев Ф.И.* Соч.: В 2 т. Т. 2: Письма. М., 1980. С. 170–171.

[12] *Тютчев Ф.И.* Россия и Запад / Сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова. М., 2007. С. 90.

[13] Подробнее о перекличках между публицистикой Тютчева и Погодина см.: *Погодин М.П.* Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев; подготовка текстов А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев, Е.П. Харченко. М., 2010. С. 35–36. См. также интересную антологию, подготовленную на факультете политология Московского университета: [Русский вопрос, 2013].

[14] С 1834 г. Алжир официально стал колонией Франции.

Англия присоединяет к своей Остиндской монархии всякий год почти по новому царству[15]: это не нарушает равновесия, а Россия заняла Молдавию и Валахию[16], на время, <...> и все государства расшатались». Получается, что «Россия должна спрашивать позволения у Европы, если поссорится с соседом» (с. 71).

Еще одна претензия Погодина к европейцам — их «отступничество» в вопросах веры, ведь «по какому закону совершенствования могло случиться, что христианские народы, не краснея становятся под ненавистным некогда знаменем Луны <...>?» (с. 72). В этом контексте становится понятным сравнение Европы с Иудой и «его лобзаниями» (Мар. 14: 44–46), которое проводит Погодин.

Эта претензия Погодина представляется несколько надуманной, хотя и легко объяснимой. Дело в том, что формальным началом войны стало якобы «невнимание» султана к своим православным подданным и передача в январе 1853 г. многих христианских святынь (прежде всего Храма Рождества Христова в Вифлееме) в ведение католической церкви: «Раздражение среди православного духовенства и православных паломников было очень большое, а французское посольство, консулы <...> сделали все от них зависящее, чтобы придать этому событию характер полного торжества Франции над Россией» [Тарле, 1959, т. 8, с. 151]. На самом деле, конечно, Николай I лишь искал достойный предлог, некое приличествующее идеологическое основание, которое смогло бы оправдать начало войны. Не в меньшей степени (если не в большей) это относится и к Франции и Англии, которые, лицемерно прикрываясь желанием защитить Турцию, в действительности преследовали свои интересы. Совершенно прав Е.В. Тарле: «Обе западные державы (Франция и Англия. — *Е.С.*) имели в виду отстоять Турцию (и притом поддерживали ее реваншистские мечтания) исключительно затем, чтобы с предельной щедростью вознаградить себя (за турецкий счет) за эту услугу и прежде всего не допустить Россию к Средиземному морю <...>» [там же, с. 12].

Вместе с тем следующее замечание в письме Погодина выглядит вполне здраво: «И что сделала им (Франции и Англии. — *Е.С.*) Россия? Не говоря о 1812 годе, годе спасения, от которого вся настоящая Европа ведет свое происхождение, в 1848 году, кто оста-

[15] Ост-Индская английская компания (1600 — 1858 гг.) к этому времени захватила почти весь Индостан. Последнее независимое государство — государство сикхов в Пенджабе — было аннексировано ею в 1849 г.

[16] В ответ на отказ Османской империи удовлетворить требования России о признании прав православной Церкви в Турции, русские войска заняли принадлежащие османам Дунайские княжества — Молдавию и Валахию — в «залог», до тех пор пока Турция не удовлетворит требования России.

навливал волны революционного потока, грозившие поглотить все <...>?» (с. 72). Отметим, что эти слова были в экземпляре письма, принадлежащем Николаю I, подчеркнуты[17]. Действительно, новая европейская политическая система была установлена после падения Наполеоновской империи (1813–1814 гг.). 1848 год упомянут Погодиным как год европейских революций, а «волны революционного потока» были остановлены русскими войсками в Венгрии во время интервенции 140-тысячной армии Паскевича в мае–августе 1849 г.

Получается, по Погодину, современная Европа в ее политических границах во многом была создана Россией после 1812 г. В чем же причина русофобских настроений в Европе? Ответ публициста довольно оригинален: «Есть две Европы. Европа газет и журналов и Европа настоящая. В некоторых отношениях они даже не похожи одна на другую. В настоящей Европе большинство думает о своих делах, о процентах и об акциях, о нуждах и удовольствиях, и не заботится ни о войне, ни о мире, ни о Турции, разве в отношении к своим непосредственным выгодам» (с. 73–74).

Европу газетно-журнальную, с точки зрения Погодина, можно разделить на три категории. Первые ненавидят Россию, потому что «не имеют об ней ни малейшего понятия <...>» (с. 74). Причем вина в том, что все российские «учреждения считаются дикими, личность — беззащитною, литература — безгласною», лежит прежде всего на самой России: «Наше молчание, глубокое, могильное, утверждает их в нелепых мнениях» (с. 74).

Вторые ненавидят Россию, потому что считают ее «главным препятствием общему прогрессу». «Общий прогресс» понимается Погодиным в первую очередь в политическом смысле, потому что Россия якобы тормозит развитие демократии и конституционализма в Европе: европейцы этого типа уверены, что «без России конституционные попытки, в Германии и повсюду, удались бы гораздо полнее <...>». Бороться с такими мнениями необходимо тем же способом, что и с мнениями первой группы: «<...> следует вразумлять, что нам до нее (Европы. — *Е.С.*) дела нет, хоть на голове ходи, лишь только нас не тронь, пока сама не попросит нашего участия» (с. 74).

Наконец, к третьей категории принадлежат радикально настроенные европейцы («различные выходцы, изгнанники, политические бобыли и пролетарии, которым терять нечего» (с. 74)), которые «желают войны как бы то ни было, надеясь вызвать ею новые происшествия, новые столкновения, полезные для осуществления

[17] Николай I и его время...

их замыслов, частных и общих» (с. 75). По Погодину, любое объяснение с этой группой бесполезно: «Она поймет только грозу и силу».

Таким образом, за исключением третьей группы, с представителями которой в силу их маргинальности общение невозможно, с первыми двумя необходимо наладить диалог, объяснять им цели этой войны, пропагандировать «русскую точку зрения» на Восточный вопрос. Получается, что, пусть и в косвенной форме, Погодин упрекал Николая I в недостаточном внимании к общественному мнению, указывал на необходимость использования журналистику в качестве инструмента внешней политики. Тем самым публицист призывал отказаться от политики «цензурного террора», характерной для позднего этапа правления Николая I (или как минимум смягчить ее). «Вред, от нашего пренебрежения общим мнением», состоит в том, что европейцы еще более убеждаются в своих «нелепых мнениях», «они не могут понять, чтоб можно было такие капитальные обвинения оставлять без возражения, и потому считают их положительными и истинным». (с. 74). Вывод Погодина однозначен: «Мы имели бы многих на своей стороне, если бы старались не только быть, *но и казаться* (курсив наш. — *Е.С.*) правыми». Последнее замечание публициста вызвало возражение императора, который на полях отметил: «Величественное молчание на общий лай приличнее сильной державе, чем журнальная перебранка»[18]. Нелюбовь Николая I к «журнальным перебранкам» была известна, и Погодину не удалось переубедить государя использовать идеологическую составляющую русской журналистики в «информационной войне».

В условиях международной изоляции (говоря современным языком), кто может стать союзником России? С точки зрения Погодина, «союзники наши в Европе, и единственные, и надежные, и могущественные, — Славяне, родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере» (с. 78). Погодин уверен, что их количество (десять миллионов в Турции и еще двадцать миллионов в Австрии), «значительное само по себе, еще значительнее по своему качеству, в сравнении с изнеженными сынами Западной Европы» (с. 78). Николай I, как известно, относился к «славянскому вопросу» с большим подозрением [Гросул, 2000, с. 124–127], поэтому это место письма Погодина его не убедило: «Писано и думано через увеличительное стекло; уменьшено в 1/10 долю, и этого довольно»[19], — отмечено в его экземпляре письма Погодина.

[18] Там же.
[19] Там же.

Заканчивает Погодин свое сочинение призывом к государю: необходимо обратиться ко всем подданным с призывом защитить православную веру от турок. И сделать это надо непременно в Москве (городе-оплоте русского православия) и обязательно используя личный пример: «Приезжай-ка государь в Москву, на весну, отслужи молебен Иверской Божией Матери, сходи помолиться ко гробу Чудотворца Сергия, да кликни клич: Православные! за гроб Христов, за Святые места, на помощь к нашим братьям, истомленным в муках и страданиях, — вся земля встанет» (с. 78). Таким образом, Погодин осознавал не только важность журналистики, но и устной пропаганды как приема ведения войны.

«Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны»

Окрыленный успехом первого письма, Погодин уже в начале 1854 г. создает второе — «Взгляд на Русскую политику в нынешнем столетии», а за ним еще тринадцать писем, в которых он разбирал внешнюю политику России, проблемы ее внутреннего состояния, а также причины неудачи государства в исторической перспективе. И если в оценках внешней политики Погодин нередко ошибался (так, он считал недолговечным объединение Германии вокруг Пруссии, сомневался в прочности объединения Италии или дал неверный прогноз создания федерации в Испании [Павленко, 2003, с. 214]), то его критика внутреннего состояния России очень разумна, последовательна, беспощадна и, что не менее важно, адресна. Ведь Погодин писал свои политические письма, исходя из убеждения, что их читает Николай I. Например, в дневнике Погодина по этому поводу 15 мая 1854 г. отмечено: «Письма мои представляются министром внутренних дел царю и переписываются в тысячи экземплярах [так!]» [Барсуков, 1899, кн. 13, с. 92]. А на следующий день там же читаем: «Думал об обер-прокурорстве Святейшего Синода. А третьего дня я видел во сне орла, летящего около дому» [там же].

Как известно, обер-прокурором Погодин не стал. Публицист в дневнике недоумевал, почему многие приближенные царя молчат, не изображая перед ним объективной картины того плачевого состояния, в котором пребывала Россия: «...сановники наши молчат, все те, которые имели бы не только право, но даже обязанность говорить, и Орлов, и Киселев, и Воронцов, и Ермолов, и Блудов, и Филарет. Чего боятся они, имея по семидесяти-восьмидесяти лет и занося уже ногу в могилу, — это знают они» [там же, с. 94].

Состоянию современной ему России Погодин посвятил отдельное письмо, написанное в октябре 1854 г., — «О влиянии внешней политики на внутреннюю».

В этом письме нарисована безрадостная картина положения современной Погодину России. Прежде всего, его, как бывшего преподавателя, волнует сокращение числа студентов при приеме в университет: «Число студентов в университетах ограничено тремястами — громовой удар для русского просвещения» (с. 255). Речь идет о Высочайшем указе 11 мая 1849 г., по которому число студентов и вольных слушателей не должно было в университетах превышать трехсот [Шевырёв, 1998, с. 501; об этом же см.: Ратников, 2014, с. 70–85].

Кроме сокращения числа студентов произошло «обложение учащихся податьми в гимназиях и университетах» (с. 256), что затруднило возможность получения образования бедными (по замечанию Погодина, бедные — «всегда лучшие ученики»). Причем следствием всего этого стало падение качества образования: «...внешнее наблюдение вверялось без разбору людям, пожалуй, нравственным или благонамеренным, но не просвещенным в надлежащей степени и не имевшим понятия, что такое народ, государство, наука, учение» (с. 257). Таким образом, картина в университете видится Погодину довольно печальная: «Беспечность, леность и посредственность ободрились, а невежество с гордостию подняло голову, ученье упало, и начали выходить из всех наших учебных заведений люди, не воспитанные, а дрессированные, машины, лицемеры» (с. 256–257).

Второй момент, который волнует Погодина в современной ему России, — это усиление цензурного гнета: «Литература <...> подверглась такому же гонению» (с. 257). Любые намеки на критику власти были запрещены, и «самая публика пропиталась цензурным духом, <...> так что порядочные люди (писатели. — *Е.С.*) решились молчать и на поприще словесности остались одни голодные псы, способные лаять или лизать» (с. 258).

Наконец, как черту современности выделяет Погодин и действия III Отделения, сравнивая их с инквизицией времен испанского короля Филиппа II. По мысли публициста, сама идея тайной полиции унижает граждан: «...вредна и пагубна идея ее существования, удушлив страх, хоть и не основательный, но ею внушаемый» (с. 259).

Все это создает образ «гниющей» России, которая по официальным отчетам предстает идеальным государством с «благословенной тишиной», но тишина эта мнима: «Невежи славят ее тишину, но эта тишина — кладбища гниющего и смердящего, физически и нравственно» (с. 259). Эта картина дополняется у Погодина сообщением о всесторонней коррупции и взяточничестве: «...взяточничество под всеми его видами, проникнувшее до самого прес-

ла» (с. 261), — и информацией о том, что замалчиванием этих фактов власть только ожесточает подданных: «Власть нужна и священна, но злоупотреблениями своими власть ослабляется гораздо больше, нежели свободными суждениями об ее действиях» (с. 259).

Из сложившейся ситуации, по Погодину, выход только один — немедленное и всестороннее введение в стране *гласности*. Она необходима, чтобы те язвы, которые поразили русскую жизнь, стали очевидны властям предержащим: «Посредством гласности будут вразумляться начальники, посредством гласности будет приобретать со всех сторон лучшие и вернейшие сведения правительство, <...> посредством гласности возродится и утвердится общественное мнение» (с. 268).

С точки зрения Погодина, необходим еще целый ряд мер по стабилизации ситуации в России. Во-первых, необходимо увеличить жалованье низшим чиновникам, «из которых большая часть <...> с голода должна прибегать ко взяткам и другим беззаконным средствам, входящим в привычку и исказившим совершенно нравственность среднего чиновного сословия» (с. 246). Во-вторых, в России необходимо активно развивать железнодорожный транспорт. Особенно остро этот вопрос встал, конечно, во время Крымской кампании: «Если б у нас были железные дороги, то настоящая война повелась бы иначе, да едва ли бы и началась в таком виде» (с. 247). В-третьих, правительству нужно обратить внимание «на улучшение состояния духовного сословия», которое погрязло в невежестве, косности и пороках: «Коснея <...> в невежестве, или в оковах схоластического учения, привыкая с малых лет, под гнетом нужды и даже нищеты, к жадности <...>, духовенство не столько распространяет образование и нравственность, сколько способствует невежеству и расколам» (с. 248)[20]. Наконец, четвертым обязательным условием «благоденствия» России Погодин считал распространение в стране грамотности и всеобщего образования: «<...> распространение в народе образования, которое никогда не отказывалось столь нужным <...>, как теперь» (с. 248). В другом месте статьи сказано: «Образование основательное, пространное, прикладное, деловое, <...> без всяких исключений, ограничений, стеснений по знаниям».

[20] Смелость позиции Погодина по проблемам русского духовенства, как нам кажется, подтверждается тем, что даже в 1899 г., когда Н.П. Барсуков перепечатал в своем сочинении «Жизнь и труды М.П. Погодина» этот фрагмент статьи, он тут же открестился от погодинской оценки духовенства: «Не считая себя вправе утаивать этого взгляда Погодина на русское духовенство, мы долгом считаем заметить, что взгляд этот отличается тою же односторонностью, как и взгляды, встречающиеся в нашей литературе и о русском дворянстве» [Барсуков, кн. 13, с. 159].

Эти вещи настолько необходимы, по Погодину, что равнодушие, которое правительство до нынешнего времени проявляло к данным проблемам, неизбежно выльется в новое народное восстание — по типу пугачевского: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев» (с. 262). То есть это должна быть именно революция снизу, идущая от крестьянства, когда в полной мере правительство увидит «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (с. 263).

Причем грозным предзнаменованием грядущих революционных потрясений становится ежегодное убийство крепостными «до тридцати помещиков — искупительные жертвы за право тиранства остальных» (с. 263). Важно, что Погодин даже несколько оправдывает такую жестокость крестьян: «...несчастные крестьяне, которые, *выведенные из терпения* (курсив наш. — *Е.С.*), берут нож в руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работе в сибирских рудниках, неужели не заслуживают лучшей участи?» (с. 263).

Погодин, сам бывший крепостной, считал, что революции можно избежать, применив целый ряд мер, первая и главная из которых — отмена в России крепостного права («наша внутренняя язва»). Кроме того, необходимо отделение Польши: « <...> оставить Польшу в настоящем положении невозможно, недолжно, невыгодно, опасно» (с. 266)[21].

Конечно, Погодин понимал, что новая записка и по тону, и по содержанию сильно отличается от предыдущих, но тем более знаменательно, что он решил отправить ее царю. Для этого он в январе 1855 г. обратился к графу В.Ф. Адлербергу со следующим письмом: «Имею честь представить теперь новую (записку. — *Е.С.*) и, признаюсь, гораздо с большим смущением и страхом, чем прежние. Поступите с нею как заблагорассудите: сочтете полезною — дайте ход, в противном случае — уничтожьте» [Барсуков, 1899, кн. 13, с. 170]. А через некоторое время Погодин получил письмо от графини Блудовой, которая когда-то стала инициатором создания этих записок, с критикой позиции Погодина («Эта статья мне не по сердцу») и указанием, что было принято решение (кем — не уточнено) записку царю не показывать [там же, с. 171]. Если учесть, что в середине февраля 1855 г. Николай I скончался, едва ли государь видел письмо Погодина. Остается открытым вопрос,

[21] Отметим, что взгляд Погодина на положение Польши на протяжении его долгой жизни претерпел значительные изменения. Подробнее об этом см: [Ширинянц, 2008, с. 137–200].

дошло ли оно до Александра II. На этот счет никаких сведений нам найти не удалось.

Итак, наш анализ показал, что консерватор Погодин был во многом настроен критически по отношению к политике Николая I. Не отрицая необходимости самого самодержавия (в абсолютной его форме), Погодин открыто критиковал политику императора и в жанре «письма к царю» выражал свое недовольство политикой правительства и предлагал необходимые меры по ее исправлению. Не случайно авторитетный советский историк Ш.М. Левин в набросках к так и не осуществленной «Истории русской общественной мысли XIX века» называл Погодина представителем «либерально-консервативного» течения[22]. Как нам представляется, дело не в «либерализме» консерватора Погодина, а в том, что русский консерватизм нередко представлял собой *правую оппозицию* власти [Гросул, 2000, с. 25–29 и др.; Пайпс, 2008, с. 12–13].

Это еще раз доказывает весьма продуктивную, с нашей точки зрения, мысль В.Н. Шульгина о существовании *двух направлений* в русском консерватизме: казенном (который поддерживали многие государственные чиновники, так как это направление культивировалось властью) и творческом (который многие философы и публицисты исповедовали по велению сердца) [Шульгин, 2005, с. 12–25]. В этом контексте совершенно прав А.А. Ширинянц: «...по здравому размышлению, официальность теории “официальной народности”, по крайней мере, в ее погодинской интерпретации, вызывает большие сомнения» [Ширинянц, 2008, с. 45].

За рамками данной статьи осталась очень интересная тема сравнения политических писем Погодина с многочисленными сочинениями представителей либерального течения: К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным, Д.А. Милютиным и др. Отдельного внимания, конечно, заслуживает сравнение позиции Погодина и Герцена с его «Вольной русской типографией»[23]. Вместе с тем дальнейшее изучение политической публицистики Погодина, представляется, даст более точный ответ и на многие вопросы современного положения России в мире, объяснит причины ее успехов и неудач на международной арене, а также расширит наше представление об истории консервативной журналистики.

---

[22] «История русской общественной мысли XIX века». Предварительный план второго тома издания // НИОР РГБ. Ф. 681. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 9.

[23] Некоторые замечания на этот счет см.: [Павленко, 2003, с. 225–227]; [Кузнецова, 1988, с. 78–90]; *Кременская И.К.* Рукописная публицистика и А.И. Герцен // Медиаскоп. 2012. № 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1232

Список литературы

Багдасарян В.Э. Крымская война как война цивилизаций: историографические стереотипы и современные параллели // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2007. № 1. С. 81–89.

Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина. Кн. 12, 13. М., 1898, 1899.

Беглов С.И. Четвертая власть: британская модель. История печати Великобритании от «новостных писем» до электронных газет. М., 2002.

Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: В 2 т. СПб., 1908–1913.

Кузнецова Г.А. Вопросы войны и мира, международных отношений на страницах «Колокола» в освещении А.И. Герцена // Внешняя политика России и общественное мнение. М., 1988. С. 78–90.

Кузнецова И.В. Крымская война и проблема внутриполитических реформ в России в представлении петербургских западников // История и культура. 2009. № 7. С. 174–180.

Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003.

Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М., 2008.

Ратников К.В. Университетский вопрос в России в общественно-политическом контексте конца 1840-х годов // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 4. С. 70–85.

Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М., 2013.

Тарле Е.В. Крымская война // Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 8, 9.

Шевченко М.М. Крымская война в восприятии современников и в действительности // Обсерватория культуры. 2007. № 4. С. 140–145.

Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1998.

Шепарнева А.И. Крымская война в оценке русского общественного мнения (1853 — 1856): Дисс. ... канд. истор. наук. Орел, 1995. С. 14–69.

Ширинянц А.А. Русский хранитель: Политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008.

Шульгин В.Н. Типология и периодизация русского дореволюционного консерватизма // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Гуманитарные исследования». Самара, 2005. С. 12–25.

History of the Times. 1841–1884. L., 1939.

Поступила в редакцию
11.02.2015